

24
24 1187

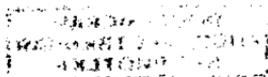
СВЯТИТЕЛЬ ІОАСАФЪ

(ГОРЛЕНКО),

Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій.

(Къ предстоящему въ сентябрѣ 1911 года прославленію святи-
теля въ г. Бѣлгородѣ).

Иеромонаха Даміана.

2006282217

Перепечатано изъ Православнаго Финляндскаго сборника за 1910 годъ.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

2845-07

С Епископъ Влод
Иоасафъ Горленко

родился въ городе
Прилукахъ 1105го года
Сентября 8го дня
Окончился въ гродвороне
1154го декабря 11го въ 5^{мъ}
часу полудни

Иоасафъ Горленко, епископъ Влгородскій и Оболенскій.

Святитель Іоасафъ

(ГОРЛЕНКО),

Епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій.

*Въ предстолицему въ сентябрь 1911 года прославленію
святителя въ г. Бѣлгородѣ).*

Святитель Іоасафъ—въ мѣрѣ Іоакимъ Андреевичъ Горленко—родился 8 сентября 1705 года въ городѣ Прилукахъ, Черниговской области, нынѣ Полтавской губерніи. Древняя малорусская крѣпость Прилуки, пріютившаяся на крутомъ обрывистомъ берегу рѣки Удая, съ ея стройными рядами колоколенъ, можетъ намъ рассказать цѣлую исторію о предкахъ святителя Іоасафа Горленко. Прадѣдъ святителя Іоасафа,—Лазарь Горленко, „написанный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ дворяне“, за русское дѣло былъ сожженъ въ степи живымъ возставшими казаками. Имя сына Лазаря и дѣда святителя, Дмитрія Горленко, неотдѣлимо отъ имени Мазепы, но съ тою лишь разницею, что онъ не былъ измѣнникомъ русскому дѣлу, какъ непостоянный и честолюбивый Мазепа. Послѣ бѣгства изъ Малороссіи Мазепа Горленко увлекъ съ собою въ Бессарабію и полковника Дмитрія и насильно удерживалъ его вдали отъ родины. Сынъ Дмитрія и отецъ святителя—Андрей Дмитриевичъ Горленко съ отцомъ своимъ сопровождалъ Мазепу въ Турцію, но скоро возвратился въ родную Малороссію; еще до возвращенія отца своего Андрей Дмитриевичъ пользовался милостью императора Петра I и въ

чинѣ „бунчукова товарища“ дожилъ спокойно дни свои, имѣя возможность видѣть утѣшеніе въ сынѣ своемъ—святителѣ... Мать его, Марія Даниловна, была дочерью извѣстнаго въ исторіи Миргородскаго гетмана Данила Павловича Апостола.

Отсюда понятно, какого характера жизнь и дѣятельность могла выпасть на долю святителя Іоасафа.

Его прадѣдъ, дѣдъ и отецъ были служилыми людьми. Мать его происходила изъ военной семьи. Братъ его, Андрей Андреевичъ, былъ лично извѣстенъ царевнѣ (потомъ Императрицѣ) Елизаветѣ Петровнѣ, при которой онъ получилъ званіе полковника; другой братъ, Павелъ, былъ поручикомъ въ арміи; младшій братъ, Григорій, скончался въ званіи надворнаго совѣтника. Сестры святителя—Параскева, Марѳа и Ульяна—были въ замужествѣ за людьми, занимавшими видное служебное положеніе. Ясно, что и старшему сыну, Іоакиму, легко было выйти на широкое поприще свѣтской общественной жизни. Но уже въ юные годы свои подъ вліяніемъ благочестивыхъ родителей отрокъ Іоакимъ началъ обнаруживать не дѣтскую склонность къ уединенію и самоуглубленію. Любимымъ развлеченіемъ его было посѣщеніе храма Божія, а высшее удовольствіе находилъ онъ въ молитвѣ. Онъ почти незамѣтно для окружающихъ воспринялъ то благодатное сѣмя, которое согрѣвало и духъ его нѣкоторыхъ сродниковъ-иноковъ. Дядя святителя, по имени Пахомій, былъ простымъ инокомъ Кіево-Печерскаго монастыря; братъ и сестра Пахомія, Митрофанъ и Анастасія, тоже были иноки. Эти три лица изъ роду Горленокъ, равно какъ и самъ святитель, удалились подъ своды монастырскихъ келлій, откуда шло тогда слово, примиряющее съ событіями быстро-текущей жизни. Вотъ эту-то родовую благочестивую настроенность, эту-то любовь-тоску къ родинѣ воспринялъ отъ дѣда и отца Іоакимъ, а послѣ и усугубилъ въ себѣ эти качества.

Прослѣдимъ тотъ путь, который привелъ Іоакима къ иночеству, а потомъ и къ святигельскому служенію.

Семилѣтнимъ ребенкомъ Іоасафъ, въ мѣрѣ Іоакимъ, былъ отправленъ родителями въ Кіевъ, въ высшее училище всего южно-русскаго края—въ Кіевскую академію. Въ то время въ академіи—среди ея наставниковъ и воспитанниковъ—еще силенъ былъ прежній укладъ духовной ревности. Глубокая преданность православной Церкви, благочестіе, исканіе высшей, небесной премудрости вмѣстѣ съ земною и наклонность къ подвигамъ духовнымъ—составляли украшеніе молодыхъ питомцевъ академіи. Неудивительно поэтому, что очень многіе изъ нихъ оставляли мѣръ и всецѣло посвящали себя на служеніе Богу. Находясь подъ такимъ благотворнымъ вліяніемъ школы, Іоакимъ, уже съ дѣтства своего склонный къ уединенному богомыслию, на шестнадцатомъ году жизни пришелъ къ окончательному рѣшенію принять монашество; но о своемъ намѣреніи онъ открылъ родителямъ только черезъ два года.

Сознавая напередъ ту скорбь, какую могла бы причинить родителямъ вѣсть о пламенномъ желаніи его принять монашество, Іоакимъ Горленко въ теченіе двухъ лѣтъ скрывалъ отъ нихъ свое высокое и благое намѣреніе, всячески испытывая себя. А между тѣмъ родитель его уже давно былъ предувѣдомленъ о судьбѣ своего любимца-первенца посредствомъ чудеснаго видѣнія.

Вскорѣ послѣ перваго отправленія любимаго сына Іоакима въ г. Кіевъ отецъ его однажды спокойно сидѣлъ на крыльцѣ своего дома и размышлялъ объ ожидавшей его первенца, по окончаніи воспитанія въ Кіевской академіи, блестящей военной карьерѣ. Занятый такими мыслями, Андрей Димитріевичъ, вдругъ увидѣлъ, при заходѣ солнца за горизонтъ, стоящую на воздухѣ Божию Матерь и у ногъ Ея сына Іоакима, стоящаго на колѣняхъ и приносящаго Божіей Матери молитвы. Потомъ онъ услышалъ слова Пресвятой Богородицы: „*Довлѣтъ мнѣ*

молтва твоя“ Слова эти сказала Богоматерь Іоакиму, и въ этотъ моментъ слетѣлъ съ горней высоты ангель Господень и облачилъ Іоакима въ архіерейскую мантию. Пораженный дивнымъ и знаменательнымъ видѣніемъ, отецъ Іоакима Горленко принялъ дерзновеніе сказать: „*Намъ же, родителямъ, Пречистая Богоматерь, что оставляеши?*“ Отвѣта отъ Пречистой Дѣвы Маріи не послѣдовало и явленіе окончилось. Желаніе Андрея Димитріевича пересказать своей супругѣ видѣнное не осуществилось; проходя нѣсколько комнатъ своего дома, онъ забылъ видѣнное и какъ ни старался вспомнить явленіе, однако не могъ вспомнить его до самой кончины сына своего Іоакима.

Родители были противъ желанія сына. Однако Іоакимъ не измѣнилъ своему призванію. На 18-омъ году, прибывъ снова въ Кіевъ подъ предлогомъ довершенія своего образованія, онъ тайно отъ родителей удалился въ Кіево-Межигорскій монастырь, гдѣ любилъ уединяться для молитвы въ пещеру одной горы. На двадцатомъ году онъ принялъ рясофоръ съ именемъ Иларіона. Не безъ слезъ и сожалѣнія благословили родители Иларіона на подвижническую жизнь. Но, повидимому, они уже ясно поняли, что сынъ ихъ не отъ міра сего. Два года подвигомъ добрымъ подвизался инокъ Иларіонъ въ Межигорской обители, пока не былъ позванъ въ монастырь Кіево-Братскій. Отъ ректора академіи, — игумена Иларіона, 27 ноября 1727 года онъ принялъ великое постриженіе съ новымъ именемъ Іоасафа. Скоро затѣмъ Іоасафа поставили въ іеродіаконы, и въ теченіе трехъ лѣтъ онъ состоитъ учителемъ и экзаменаторомъ Кіевской академіи.

8 ноября 1834 года онъ былъ посвященъ въ іеромонаха и переведенъ изъ училищнаго Братскаго монастыря въ Кіево-Софійскій Домъ съ назначеніемъ въ члены мѣстной консисторіи. 24 іюня 1737 года Іоасафъ произведенъ былъ въ игумены Лубенскаго, при рѣкѣ

Мгари, Спасо-Преображенскаго монастыря, Полтавской губерніи. Здѣсь онъ возобновилъ назначенную ему въ управленіе полуразрушенную обитель. Отсюда Іоасафъ ѣздилъ въ Москву и Петербургъ за пожертвованіями. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ онъ произнесъ въ Москвѣ въ присутствіи Императрицы Елизаветы Петровны слово. „Какъ недалеко отъ насъ животь вѣчный! Только лѣствица о двухъ ступеняхъ намъ предложитъ—это любовь къ Богу и родственная ей любовь къ ближнему“—говорилъ, между прочимъ, въ этомъ словѣ Іоасафъ.

Зная лично Іоасафа, Императрица въ одно изъ посѣщеній Кіева словесно повелѣла Кіевскому Митрополиту Рафаилу (Забаровскому) произвести Іоасафа въ архимандриты. Это было 14 сентября 1744 года. Но недолго архимандритъ Іоасафъ пробылъ въ Лубенскомъ монастырѣ. 24 января 1745 года, по указу Св. Синода и по личному желанію Императрицы, архимандритъ Іоасафъ принялъ въ управленіе Троице-Сергіеву Лавру, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ Лубенскаго монастыря. Въ Лаврѣ онъ пробылъ три года; здѣсь онъ часто болѣлъ. Отсюда въ 1748 году онъ былъ призванъ по личному выбору Государыни—къ высшему святительскому служенію на обширную тогда кафедрѣ Бѣлгородскую и Обоянскую. На 43 году отъ рожденія, 2 июня 1748 года, состоялось въ Петербургѣ торжественное посвященіе новаго епископа Бѣлгородскаго, въ церкви Петро-Павловской крѣпости, многочисленнымъ сонмомъ архіереевъ, съ предстояніемъ Новгородскаго Архіепископа Амвросія (Юшкевича) и въ присутствіи самой Императрицы. 6 августа того же года святитель Іоасафъ прибылъ въ свою епархію и въ первый разъ въ этотъ день совершалъ литургію въ кафедральномъ Троицкомъ соборѣ. Съ этого дня началась неутомимая дѣятельность бодрого духомъ, но уже слабаго тѣломъ, ревностнаго архипастыря на пользу ввѣренной ему епархіи. До сво-

его святительства и въ обителяхъ Кіева, и въ Лубнахъ, и у гробницы печальника земли русской, — преподобнаго Сергія, онъ запасался нездѣшною силою, росъ и выросъ въ могучаго духовнаго богатыря. Вѣдь всегда высшая красота и сила духа зрѣеть незримо и долго, долго прикрывается смиреніемъ. На чредѣ святительства епископъ Іоасафъ за шесть съ половиною лѣтъ проявилъ эту духовную мощь во всей силѣ.

Бѣлгородская епархія того времени была прямо-таки необъятной. Начинаясь Бѣлгородскимъ, Обоянскимъ, Корочанскимъ и Новооскольскимъ уѣздами, она обнимала Харьковскую, Екатеринославскую и часть епархій Воронежской. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что при предшественникахъ преосвященнаго Іоасафа дѣла по управленію епархіей пришли въ разстройство до такой степени, что духовенство писало жалобы въ Синодъ на предшественника святителя. — м. Антонія (Черняевского).

Тотчасъ по вступленіи въ епархію святитель Іоасафъ приступаетъ къ ея обзорѣнью. Несмотря на посѣщавшіе его недуги, онъ становится на постоянную стражу своей паствы. Мы видимъ его то въ Бѣлгородѣ, то въ Харьковѣ, то въ большомъ поселкѣ, то въ захолустной деревнѣ. Впечатлѣніе, вынесенное имъ отъ поѣздокъ по епархій, было грустное; онъ могъ сказать словами Спасителя: „Жатва многа, дѣлателей мало“.

Какъ человекъ не только благочестивый, но и образованный, преосвященный Іоасафъ прежде всего обратилъ вниманіе на неудовлетворительное умственное и нравственное состояніе духовенства. Хотя въ его епархій и было такое солидное по тому времени училище, какъ Харьковскій Коллегіумъ, однако онъ далеко не удовлетворялъ образовательнымъ нуждамъ и запросамъ духовенства. Дѣло въ томъ, что слишкомъ немного времени прошло съ открытія въ Бѣлгородской епархій Коллегіума для того, чтобы все наличное духовенство

обширной епархіи могло получить въ немъ свое образованіе. Съ другой стороны,—штаты Коллегіума были весьма ограничены, и воспитанниковъ было недостаточно для замѣщенія священническихъ мѣстъ по епархіи. Поэтому большинство священниковъ Бѣлгородской епархіи были воспитанниками низшихъ приходскихъ училищъ, едва умѣвшими читать и писать. Само собою понятнo, что такіе пастыри не могли удовлетворительно исполнять высокихъ пастырскихъ обязанностей. Изъ нѣкоторыхъ указовъ святителя, сохранившихся въ архивахъ до нашего времени, видно, какъ глубоко скорбѣлъ святитель Іоасафъ о недостаточномъ образованіи своихъ сотрудниковъ на нивѣ Христовой и съ какою ревностью старался онъ поднять ихъ умственное развитіе. Такъ всѣхъ ставленниковъ онъ обязывалъ подпискою непременно выучивать катихизисъ. Независимо отъ этого въ февралѣ 1749 года онъ приказалъ выписать изъ Москвы „Книжицу о церковныхъ таинствахъ“ и разослать ее по всѣмъ церквамъ „въ наученіе священникамъ“. Во время же обзора епархіи преосвященный испытывалъ священниковъ въ усвоеніи этой „книжицы“ и катихизиса и „неумѣющихъ“ требовалъ къ себѣ въ Бѣлгородъ, гдѣ держалъ ихъ въ разныхъ послушаніяхъ, пока они приобрѣтутъ необходимыя познанія и выдержатъ испытанія. Бывали случаи, что ревностный архипастырь и строго наказывалъ виновныхъ и нерадивыхъ.

Въ дѣятельности преосвященнаго Іоасафа слѣдуетъ отмѣтить еще и то, что всякую неисправность своего духовенства, замѣченную имъ при обзорѣ епархіи, онъ старался не только покарать, но и сдѣлать ее общеизвѣстною, чтобы и другихъ предупредить отъ подобныхъ неисправностей.

Слѣдилъ онъ зорко и за тѣмъ, чтобы въ богослуженіе не вносились никакихъ произвольныхъ новшествъ, идущихъ отъ католическаго юго-запада,—строго хранилъ чистоту православнаго ученія и церковнаго обряда.

Такъ, въ указѣ святителя отъ 23 іюня 1752 года онъ съ обычной ревностью и энергіей запрещаетъ священникамъ употребленіе звонковъ на великомъ входѣ при литургіяхъ св. Златоуста и Василія Великаго, каковой обычай начиналъ было вводиться подъ очевиднымъ вліяніемъ уніатовъ.

Подавая примѣръ духовнаго руководства своему духовенству, наставляя его время отъ времени, преосвященный Іоасафъ хотѣлъ, чтобы и священники находились въ подобномъ же отношеніи къ народу. Съ этою цѣлью онъ обратилъ вниманіе на проповѣдническую дѣятельность духовенства, вмѣнивъ особымъ указомъ 1749 года въ обязанность каждому благочинію (протопопіи) имѣть своихъ особыхъ проповѣдниковъ для наученія народа истинамъ вѣры и благочестія. Взыскательный и строгій къ провинившимся, святитель Іоасафъ во всѣхъ другихъ случаяхъ всѣми возможными мѣрами старался защитить своихъ подчиненныхъ отъ произвола и насилій, отечески входя въ ихъ нужды и положеніе.

Какъ истинно христіанскій пастырь,—святитель Іоасафъ не оставлялъ безъ своего руководства и свою паству—народъ. И самъ лично, и чрезъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ онъ ревностно заботился о возвышеніи нравственности населенія Бѣлгородскаго края. Съ этою цѣлью онъ часто разсылалъ свои отеческія увѣщанія и обличенія, предписывая при этомъ духовенству читать ихъ вслухъ всего народа во время богослуженія.

Такова была архипастырская дѣятельность святителя Іоасафа. Въ лицѣ его Бѣлгородское духовенство имѣло просвѣщеннѣйшаго и дѣятельнаго начальника, а вся паства неусыпнаго и неутомимаго стража ея духовныхъ интересовъ.

Горя неугасимо любовью къ Богу и ближнимъ, увеличивая подвиги и чрезъ то удручая и безъ того немощное тѣло свое воздержаніемъ и лишеніями, святи-

тель Іоасафъ былъ живымъ выразителемъ той святой истины, что сила Божія въ немощи совершается. И все же, горя и свѣтя, какъ всякъ земнородный—онъ сгоралъ быстро. Предчувствуя близость кончины и, можетъ быть, имѣвъ нарочитое видѣніе о ней, предъ отходомъ въ вѣчность, святитель захотѣлъ еще разъ навѣстить свое родное гнѣздышко, повидѣться и вмѣстѣ проститься съ своими родными. 29-го мая 1754 года торжественно совершилъ онъ свою послѣднюю литургію въ Бѣлгородскомъ кафедральномъ соборѣ и, прощаясь съ молившимся и плакавшимъ народомъ, даль ясно понять, что живымъ больше не увидится съ своими пасомыми. Провожаемый множествомъ народа, выѣхалъ онъ за городъ и съ высоты горы преподалъ городу послѣднее архипастырское благословеніе.

Отецъ святителя, полковникъ Андрей Дмитріевичъ, когда-то сильно возставшій противъ иноческихъ стремленій сына, теперь самъ—старый воинъ—въ тиши лѣсного уединенія проводилъ молитвенно-созерцательную жизнь подвижника въ мѣрѣ.—Долго не видѣвшіе первенца своего сына епископа, родители были несказанно обрадованы пріѣзду его. Но скоро святитель опять покинулъ отчій домъ.

Въ началѣ сентября 1754 года изъ родныхъ Прилукъ онъ выѣхалъ въ Лубны, чтобы посѣтить монастырь, въ которомъ былъ нѣкогда игуменомъ-строителемъ. Отслуживъ тамъ литургію, онъ слезно молился у святыхъ мощей Константинопольскаго патріарха Аонасія, именуемаго сидящимъ, приложился къ мощамъ, простился съ братіей, благословилъ ее на дальнѣйшія заботы по благоустройству монастыря и направился въ свою епархію. По мѣрѣ приближенія къ ея предѣламъ, святитель изнемогалъ все болѣе и болѣе; въѣхавъ въ нее, занемогъ окончательно и остановился въ селѣ—теперь уѣздномъ городѣ—Грайворонѣ (75 в. отъ Бѣлг.), Смертельная болѣзнь длилась болѣе двухъ мѣсяцевъ, и

во время ея святитель Иоасафъ имѣлъ утѣшеніе еще разъ увидѣться съ матерью, братомъ и сестрою Параскевой, бывшей въ замужествѣ за харьковскимъ дворяниномъ Квиткой. Проживъ въ тяжкихъ страданіяхъ по 10 декабря (1754 г.), онъ, напутствуемый елеосвященіемъ и таинствомъ причащенія, въ 5 часовъ пополудни тихо предалъ духъ свой Богу.

Черезъ посланнаго были извѣщены о кончинѣ святителя родители его. Всѣ члены благочестиваго семейства Андрея Дмитріевича собрались къ нему, чтобы сообщить скорбную вѣсть; но старецъ предупредилъ ихъ, сказавъ: „Знаю, что собрались сообщить мнѣ о смерти сына моего Иоасафа, но я знаю это прежде васъ: онъ скончался 10-го декабря вечеромъ; въ это самое время я слышалъ голосъ: „Сынъ твой—святитель—скончался“, Помолчавъ потомъ немного, прослезился старецъ и сказалъ: „Умеръ святитель, умерла съ нимъ и молитва“.

Бѣлгородскаго архипастыря облекли въ голубой парчевый саккосъ, въ розовый омофоръ и въ красный подризникъ; на голову его возложили зеленую митру съ жемчугомъ. Черезъ пять дней тѣло святителя было привезено въ его кафедральный городъ—Бѣлгородъ. Полгода назадъ провожавшіе его,—духовенство и народъ, встрѣтили теперь его на той самой горѣ, съ которой онъ преподавалъ имъ свое послѣднее прощальное благословеніе. Скорбь паствы и слезы бѣдняковъ показали, кому былъ дорогъ святитель. Воплемъ они впервые повѣдали міру о той тайной милостынѣ, какую получали отъ святительскихъ щедротъ.

Послѣ святителя осталось всего 7 р. денегъ да три червонныхъ, которые употреблены на устройство гроба и розданы нищимъ; и это у архіерея обширной и богатой кафедры!? Погребеніе его было совершено на счетъ архіерейскаго дома. До 28 февраля тѣло святителя—(два съ половиною мѣсяца) оставалось не погребеннымъ. Назначенный для погребенія Переяславскій епи-

скопъ Іоаннъ (Козловичъ), за неотложными епархіальными дѣлами и несвоевременнымъ сильнымъ разлитіемъ попутныхъ рѣкъ, не могъ раньше двухъ съ половиною мѣсяцевъ прибыть въ Бѣлгородъ. Народъ толпами приходилъ для поклоненія и прощанія и тутъ-же, тогда-же, во-очію убѣждался въ нетлѣнныя мощи святителя. а потомъ—въ теченіе полутора вѣка—это непоколебимое убѣжденіе народа въ святости умершаго еще болѣе окрѣпло.

Тѣло святителя Іоасафа было погребено въ томъ склепѣ, какой онъ заповѣдалъ устроить въ передней части кафедральнаго собора, выѣзжая въ родныя Прилуки изъ Бѣлгорода. Надъ склепомъ братомъ святителя Андреемъ послѣ былъ устроенъ небольшой придѣлъ въ воспоминаніе страшнаго суда Божія; въ этомъ придѣлѣ служатся въ память святителя Іоасафа и съ нимъ почивающихъ Бѣлгородскихъ архипастырей заупокойныя литургіи и панихидныя пѣнія.

Черезъ два года послѣ его кончины нѣкоторые иноки, движимые какою-то непобѣдимую силою, проникли въ склепъ. вскрыли гробницу и увидѣли, что не только тѣло, но и самыя святительскія одежды остались нетлѣнными. И это въ пещерѣ, съ несомнѣнными признаками подземной сырости болотистаго Бѣлгорода!

Въ 1824 году Императоръ Александръ I-й, посѣтивъ Бѣлгородъ, спустился къ гробницѣ святителя Іоасафа и слушалъ панихиду. Тогда же ему было сообщено о нетлѣнныя мощи святителя и о его благодатныхъ заступленіяхъ, —поднять былъ вопросъ о причисленіи святителя къ лику святыхъ, но вопросъ этотъ не получилъ тогда благопріятнаго разрѣшенія.

Давно уже почилъ святитель!.. Сколько именъ забыто за это время! Но имя его не умерло въ народномъ сердцѣ... Народъ идетъ къ нему... И самъ святитель нисходитъ къ людямъ вѣры... Гласъ народа—гласъ Божій; онъ быстро облетѣлъ окрестности, и къ гроб-

ницѣ и къ почивающему въ ней тѣлу святителя пришлось открыть общій доступъ.

Что же создаетъ вокругъ личности святителя Іоасафа ореолъ святости? Что заставляетъ стекаться ко гробу святителя со всѣхъ концовъ Россіи многочисленныхъ чадъ Церкви—и не только чадъ православной Церкви, но и представителей другихъ вѣроисповѣданій, и не только простолюдиновъ, но и мужей науки, мало-вѣровъ—въ принятомъ значеніи этого слова? Что заставляетъ вѣрующихъ такъ бережно охранять великое имя святителя Іоасафа свыше 150 лѣтъ и видѣть въ немъ средоточіе всѣхъ упованій и надеждъ, обращаться къ нему, какъ къ дерзновенному ходатаю предъ Богомъ? Отчего изображенія святителя,—хотя и прославленнаго Богомъ, но открыто не причисленнаго, пока къ лику святыхъ,—стоятъ у вѣрующихъ христіанъ вмѣстѣ съ иконами и предъ ними теплятся лампадки, и не только въ частныхъ домахъ, но и въ церквахъ всего юга Россіи? Отчего его портреты украшаютъ залы академій, университетовъ, музеевъ, архіерейскихъ покоевъ, монастырей и разсыпаны на пространствѣ всей Россіи?

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы мы безъ труда найдемъ въ жизни святителя,—въ нравственныхъ чертахъ этой выдающейся личности.

Какъ монахъ, святитель Іоасафъ явилъ собою не только примѣръ величайшаго смиренія, безграничнаго милосердія и непрестанной молитвы, но и научилъ почитать чинъ иноческій, какъ чинъ ангельскій. Это былъ иннокъ по призванію, аскетъ по жизни. По крайней мѣрѣ, жителямъ Малороссіи почему-то особенно памятна именно эта аскетическая сторона нравственнаго характера святителя Іоасафа, еще въ ранней юности начинавшая борьбу съ грѣховною жизнью...

Они рассказываютъ о томъ, какъ юный иннокъ въ домѣ своего отца, въ имѣніи Чернявщинѣ, во время

многолюдныхъ собраній тихо сидѣлъ въ углу громаднаго зала, а во время обѣдовъ ѣлъ корки чернаго хлѣба, не прикасаясь къ пищѣ, предлагавшейся гостямъ. Сохранилось преданіе, — и въ предсмертныхъ словахъ святителя сестрѣ оно находить себѣ подтвержденіе, — что, проходя искусь въ теченіе года въ Межигорскомъ монастырѣ, онъ ни разу не вкусилъ за это время горячей, вареной пищи. Такъ измождали святитель много-страдальную плоть съ равныхъ лѣтъ.

А посмотрите на келейную жизнь святителя! Съ какимъ умиленіемъ произноситъ онъ слова молитвы, которую всѣмъ совѣтоваль произносить при часовомъ ударѣ колокола! Вотъ эта молитва: „Буди благословенъ день и часъ. въ онъже Господь мой Иисусъ Христосъ мене ради родися, распятіе претерпѣ и смертію пострадала. О, Господи Иисусе Христе, Сыне Божій! Въ часъ смерти моя приими духъ раба твоего, въ странствіи суща, молитвами Пресвятыя Твоея Матери и всѣхъ Святыхъ Твоихъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь“. И словно частичка духа святителя, влитая въ эту молитву, дѣлала ее особенно дѣйственной; и поэтому, быть можетъ, она уже нашла себѣ широкое распространеніе. По крайней мѣрѣ, ее можно встрѣтить во многихъ домахъ у благочестивыхъ христіанъ...

Но ежечасною молитвою, разумѣется, не исчерпывался молитвенный подвигъ святителя Іоасафа. Одинъ изъ любимыхъ пѣвчихъ Вѣлгородскаго архипастыря, въ послѣдствіи протоіерей г. Изюма о. Іоасафъ Погорлевскій, говорилъ, что, ходя къ святителю съ докладомъ, онъ всякій разъ заставлялъ его молящимся.

И пламенная молитва вѣры святителя не была тщетною. Благочестивая народная память, видно, не напрасно запечатлѣла владыку Іоасафа именемъ прозорливца. Вѣдь знаетъ народъ, что онъ не разъ еще при жизни открывалъ тайны будущаго. Такъ однажды передъ Троицынымъ днемъ въ отвѣтъ на приглашеніе поселянъ хутора

Угрюма помолиться съ ними по случаю страшной засухи и появленія на поляхъ червя, Святитель Іоасафъ велѣлъ подать къ указанному дню сани. И дѣйствительно, въ назначенный имъ день, къ удивленію всѣхъ, выпалъ обильный снѣгъ, и установился санный путь, при чемъ растаявшій снѣгъ напоилъ жаждущую землю влагою и согналъ съ поля червя. Это было въ то время, когда природа была въ полномъ уже расцвѣтѣ, и когда о снѣгѣ и помышлять никто не могъ. Жители Бѣлгородскаго уѣзда и доселѣ хранятъ воспоминаніе объ этомъ необыкновенномъ событіи.

Незадолго предъ смертію своею, отправляясь въ отпускъ въ Кіевскую епархію и въ родной городъ Прилуки, онъ приказалъ въ отсутствіи его построить каменный погребъ съ правой стороны кафедральнаго собора и, прощаясь съ жителями Бѣлгорода, сказалъ, что они уже не увидятъ его болѣе живымъ. Часто намекалъ Святитель и родственникамъ своимъ, что скоро онъ разстанется съ нами.—Это проникновеніе Святителя въ таинственную даль являлось какъ бы предвѣстникомъ того, что время для него уже смѣнялось вѣчностью.

Будучи плодомъ вѣры и молитвы святителя, прозорливость его иногда проявлялась въ разительныхъ случаяхъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Однажды, во время представленія ему духовенства епархіи, онъ обратилъ вниманіе на одного 130-лѣтняго старца—священника.—Сколько тебѣ лѣтъ?—спрашиваетъ святитель іерея.—„Сто тридцать; семь десятковъ уже въ запитатѣ“...—Святитель любовно-проникновенно смотритъ на іерея, на его согбенную фигуру, и чувства жалости и недоумѣнія борются въ немъ...—„Ты видишь меня, какъ отца, стоящаго предъ сыномъ... Хочу я знать: не омрачена ли совѣсть твоя, чтобы данною мнѣ властью простить и разрѣшить тебя. Повѣдай мнѣ всю жизнь твою...“—Не знаю, не помню,“—говоритъ старецъ—іерей. Но святитель настаиваетъ на покаяніи его. И іерей рассказы-

васть, какъ однажды онъ отслужилъ раннюю литургію; потомъ, боясь побоевъ помѣщика, отслужилъ для него вторую литургію, несмотря на то, что послѣ проскомидіи слышалъ какой-то предостерегающій голосъ, говорившій: „Остановись! Что ты дѣлаешь? Не дерзай: будешь проклятъ!“— „Ты будь проклятъ!—Отвѣтилъ я“, добавилъ старецъ. „Что ты сдѣлалъ?“—сказалъ святитель.— „Ты проклялъ Ангела—Хранителя того мѣста... Вотъ причина долготѣтя твоего“. Ничего не сказалъ тогда болѣе святитель, а, оставивъ у себя іерея, велѣлъ отыскать ему походную церковь. Было ясно, что святитель собирался на то мѣсто, гдѣ служилъ когда-то іерей, и гдѣ уже не было храма. И дѣйствительно, раннимъ утромъ архипастырь выѣхалъ съ походною церковью за Бѣлгородъ, на ближайшее поле, гдѣ раньше стояла уничтоженная церковь. Началась проскомидія. Съ благословенія святителя ее совершалъ старецъ—іерей. Имъ же была совершена и литургія въ то время, какъ архипастырь стоялъ на правой сторонѣ алтаря. По окончаніи литургіи святитель подозвалъ священника къ правой сторонѣ алтаря и повелѣлъ читать „Нынѣ отпускаеши...“, послѣ чего благословилъ его и сказалъ: „Прощаю и разрѣшаю тебя отъ всѣхъ твоихъ грѣховъ“. Не прошло минуты, какъ примиренный съ Ангеломъ старецъ, въ полномъ облаченіи, сталъ слабѣть и, опустившись предъ престоломъ, на которомъ только что принесъ умиловительную жертву, предалъ духъ свой Богу, окончивъ такимъ образомъ, уже не радовавшіе его дни жизни...

Какъ великъ образъ святителя, знаменательно спасаго душу дряхлаго старца! Какъ чудодѣйственна благодать высокаго стража Церкви Христовой—архіерея Божія, черезъ посредство котораго совершилось это чудесное дѣйствіе промысла Божія!..

Не горлицею тихой, слѣдовательно, былъ святитель Іоасафъ, а „зоркимъ орломъ, который далеко про-

зираль и крѣпко въ когти браль“. Вотъ одно благочестивое сказаніе объ архипастырской ревности святителя.

Однажды онъ былъ въ одномъ дворянскомъ селеніи и заѣхалъ на ночлегъ къ приходскому священнику, котораго на этотъ разъ не оказалось дома. Чувствуетъ святитель какой-то таинственный страхъ. Не спится ему. Онъ какъ-то невольно беретъ одну бумагу, лежащую на полкѣ между горшками. И что же?—Онъ видитъ запасные св. Дары! Цѣлую ночь святитель молится предъ ними. На утро явился священникъ, и святитель строго наказалъ его за небрежное храненіе великой святыни.

Свою святую прямоу и нелицетрїитность святитель проявилъ и по отношенію къ роднымъ, и сильнымъ міра сего. Онъ не смотрѣлъ на лицо, когда надлежало открыто сказать слово правды. Такъ, живя у родныхъ, онъ изобличалъ всѣхъ, начиная съ родителей,—что они оставили неоконченнымъ придѣлъ въ давно ихъ средствами сооруженномъ храмѣ, и настоялъ на скорѣйшемъ устройствѣ и освященіи этого придѣла. Въ другой разъ,—пришелъ онъ къ началу литургіи и, замѣтивъ, что священникъ совершаетъ проскомидію на просфорахъ изъ темной муки, распорядился приостановить ее. Самъ же, вернувшись къ роднымъ, гнѣвно замѣтилъ, что для собственнаго потребленія у нихъ въ изобиліи имѣются бѣлые хлѣбы, а для святѣйшаго изъ таинствъ ихъ не нашлось и пяти.

Святитель Иоасафъ не умѣлъ держать въ себѣ слово правды, хотя бы оно жестоко ложилось на сердце тѣхъ, кого оно касалось. Такъ, онъ не задумался однажды обличить графа Салтыкова—командира Украинской дивизіи, жившаго въ Харьковѣ, за несоблюденіе постовъ. И графъ внялъ голосу Святителя. Тотъ же Святитель, изъ жалости отпускаяшій отъ своего стола кушанья одному арестованному генералу, послалъ однажды сказать Вѣлго-

родскому губернатору, — за которымъ водились извѣстные архипастырю грѣшки, и который однако запрещалъ благотворить архіерею, — что и онъ, если попадетъ подъ арестъ, также будетъ получать кушанья отъ епископскаго стола.

Въ ревности своей онъ дѣлалъ строгія предписанія духовенству и настоятелямъ монастырей, укоряя ихъ за нерадивое отношеніе къ своимъ обязанностямъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергая тѣлеснымъ наказаніямъ и изверженію изъ сана... Не осудить его безпристрастный лѣтописецъ, такъ ревновавшаго о славу Божіей, и за его отлученіе отъ Церкви помѣщика, адъютанта Бѣлгородскаго гарнизоннаго полка Юрія Выродова, разбойнически похитившаго дочь одного священника... Это только говорить о пелицедріятіи святителя...

И какъ далеко былъ святитель Іоасафъ стъ тѣхъ людей нашего безразличнаго къ вопросамъ нравственности времени, у которыхъ, по мудрой народной поговоркѣ, — на устахъ-медь, а на сердцахъ-ледь. — Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, надо быть дѣйствительно чистымъ человекомъ для того, чтобы обличать другого, часто человека властнаго, и при томъ обличать такъ смѣло, такъ громко, такъ открыто, какъ дѣлалъ это святитель Божій Іоасафъ!

Строгость святителя представляется лишь выраженіемъ честности и добросовѣстности человека — съ одной стороны, и нравственной чистоты его — съ другой, а не выраженіемъ черствости и жестокосердія. Вѣдь середины между правдою и ложью, между да и нѣтъ — не существуетъ. Не зная этой середины и блаженной памяти святитель Іоасафъ епископъ Бѣлгородскій!

Съ этой стороны дѣятельность Святителя Іоасафа оставила для исторіи страницы значенія чрезвычайнаго. Прямолинейность его убѣжденій и изумительная твердость въ проведеніи ихъ въ жизнь, смѣлая и открытая борьба съ неправдою, возможная лишь для того, кто

самъ безупреченъ и не боится обличеній извнѣ—все это дѣлаеть имя Святителя Юасафа великимъ въ исторіи Церкви Русской.

Поэтому соблазняться строгостью святителя въ его отношеніяхъ къ злу и неправдѣ нѣтъ основаній. При томъ не надо забывать еще того, что строгость святителя являлась естественною данью тому времени—въ общемъ грубому и жестокому. Во всякомъ случаѣ, строгость въ религіозно-нравственныхъ дѣлахъ, безъ сомнѣнія, выше распространенаго въ наше время религіозно-нравственного безразличія.

Но если святитель „строгаю любовію“ любилъ свою паству, если „онъ былъ не горлицею тихою, а орломъ, который далеко прозиралъ и высоко въ когти бралъ“, — какъ говорить одинъ изъ древнихъ его жизнеописателей, — то въ личной жизни его было „святое святыхъ“, гдѣ внѣшняя строгость его растворялась въ великой христіанской любви. Эта любовь заставляла святителя никогда не забывать обездоленныхъ судьбою. „Милостивцемъ“ истиннымъ и прямо безпримѣрнымъ былъ онъ для меньшихъ братій, именуемыхъ нуждающимися и, вообще, нищими. Милостыню онъ всегда творилъ по-евангельски: у него десница давала, а шуйца не вѣдала того; при этомъ онъ творилъ милостыню съ такой тайной, что о ней зналъ одинъ только келейный слуга. Все, получаемое отъ родовыхъ отчинъ (имѣній) и монастырскихъ доходовъ и угодій, уходило безъ остатка на раздачу милостыни. Для удобства, чтобы не говорили о ней, раздавалась она чрезъ келейнаго служителя. По вечерамъ и ночамъ послѣдній стучомъ въ дверь, или окно давалъ знать нуждающимся о принесенной милостынѣ. Сохранилось, между прочимъ, до слезъ умиленное преданіе. Предъ праздникомъ Рождества Христова келейникъ занемогъ, Святителю ради праздника не хотѣлось оставить несчастныхъ безъ помощи, но не хотѣлось и тайну ея раздачи довѣрить другому. И вотъ самъ онъ облекся въ

одежду служителя и темнымъ вечеромъ, никѣмъ незамѣченный, вышли изъ воротъ монастыря. Послѣ обхода бѣдняковъ, позднею ночью, въ монастырскихъ воротахъ святитель встрѣченъ былъ привратникомъ. Не узнавъ святителя, не получивъ отвѣта на свой окрикъ и увидя попытку ночного посѣтителя пройти неопознаннымъ, привратникъ сильно побилъ его. И что же?—Привратника честно исполнившаго свой долгъ, святитель наградилъ за бдительность.—Гдѣ же суровость, которую такъ опрометчиво нѣкоторые приписываютъ святителю?

Святитель благотворилъ не деньгами только: онъ узнавалъ бывало, гдѣ дрогнуть отъ холода, и, скупая дрова на базарѣ, самъ кололъ ихъ и отправлялъ къ нуждающимся.

Вскорѣ послѣ блаженной кончины святителя у его гробницы начались исцѣленія отъ недуговъ, когда обращались къ нему съ вѣрою въ его могучее предстательство предъ Богомъ. Токи много образныхъ чудесъ съ тѣхъ поръ непрерывно и обильно идутъ до нашихъ дней.

